

Искала я милого моего

Автор:

[Марта Кетро](#)

Искала я милого моего

Марта Кетро

Женщины и коты, мужчины и кошки

Тайная хозяйка свободного Мелави, госпожа Эмилия Грим, многие десятилетия держит в руках теневую жизнь города. Лучше всего она умеет две вещи – очаровывать и убивать, но сейчас вынуждена разбираться, кто в её драгоценном городе совершает отвратительные преступления, не считая тех, которые совершает сама.

Это мир, где магия течёт, как подземные реки, а люди наслаждаются любовью, солнцем, едой и морем – когда не убивают друг друга.

Что ещё есть в этой книге?

Кофе с кардамоном и перцем, булочки с заварным кремом, запах франжипани, чёрный ром с островов, горячая карамель, власть, морские закаты, шёлковые платья, тихие убийства, полосатые коты, высокие светлоглазые блондины, цветы апельсина, шутки про смерть и вещества, поцелуи в шею, алые туфли из мягкой кожи, месть, рассказы о чудесах, свобода, скошенная трава, химия, манго – и мёд из акации.

Таков мир Эмилии Грим, и он вам понравится!

Марта Кетро

Искала я милого моего

Серия «Женщины и коты, мужчины и кошки»

© М. Кетро, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература» представляет книги

МАРТЫ КЕТРО

Бродячая женщина

Все девочки снежинки, а мальчики клоуны

Горький шоколад. Книга утешений

Госпожа яблок

Женщины и коты, мужчины и кошки

Жизнь в мелкий цветочек

Знаки

Искала я милого моего

Искусство любовной войны

Как поймать девочку

Как сделать так, чтобы тебя любили. (В Интернете)

Книга обманов

Лимоны и синицы

Магички. Орден Воробьиного сычика

Московские фиалки

Нервные окончания

О любви

Осенний полет таксы

Песни о жестокости женщин, мужском вероломстве

и общечеловеческой слабости

Письма Луне

Рассеянная жизнь

Справочник по уходу и возвращению

Только и разговоров, что о море

Три аспекта женской истерики

Улыбайся всегда, любовь моя

Умная, как цветок

Хорошенькие не умирают

Хоп-хоп, улитка

Чтобы сказать ему

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ:

Вздохнуть! И! не! ды! шать!

Зато ты очень красивый

Лисья честность

Мартовские коты

Носочки-колготочки

Плохие кошки

Психи и психологи

Скажи!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тонкий, едва уловимый звон разливался в ясном весеннем воздухе, поднимаясь над пустынными улицами дремлющего города. Если разобрать звук на составные части, то окажется, что это поёт фонтан на Белой площади и позвякивают медные браслеты – хорошие хозяйки спешат с корзинками на

утренний рынок, пока свеж ночной улов. Одна такая проскользнула мимо Эмилии, и та успела отметить худую высокую фигуру, закутанную в расшитую ткань, как принято у жительниц пустыни, берегущихся от солнца и нескромных взглядов. Именно её браслеты звенели, скатываясь по тонкой руке от запястья к локтю и обратно – всякий раз, когда женщина поправляла дымчатый шёлковый платок, скрывающий лицо. Третьей же нотой был отдалённый детский плач – полдюжины голосов сливались в высокую серебристую мелодию. В переулке позади площади жила нянюшка, к которой матери приводили малышей, прежде чем отправиться на работу, и сонные дети хныкали, но быстро успокаивались – Эмилия знала, что уже через полчаса там зазвучат смех и счастливые вопли. Именно поэтому она ценила эти минуты тишины, наполняющие её небольшое нервное сердце покоем. Но сегодня было что-то неправильное вокруг, и она раздражённо понюхала воздух: сладкий чубушник, мокрые кувшинки в пруду, тень тяжёлых масляных духов той женщины, что почти скрылась в конце улицы, и свежий железистый запах крови, тянущийся из ближайшей подворотни.

– Дерьмо! Такое утро испоганили, – процедила сквозь зубы госпожа Эмилия Грим и обречённо пошла на запах.

В тёмном углу возле стены сидел бродяга, он раскинул длинные ноги и вроде бы спал, свесив голову, но на штанах, там, где у обычного пьянчуги расплылось бы пятно мочи, темнела лужа подсыхающей крови.

Эмилия снова выругалась, пожала плечами и вернулась на площадь. Это не её дело.

И всё же через час, завтракая на веранде в компании кошек, она снова вспомнила утреннее происшествие – глухое недовольство никуда не делось, это была лучшая часть суток, любимая площадь, это был её город, в конце концов, и никто не имел право портить ей настроение. В газете пока ничего, новость появится в вечернем выпуске, но вряд ли на первой полосе. И потому Эмилия пила кофе и просматривала письма, морщась от раздражения, и всем сегодняшним корреспондентам не повезло, никто из них не получил от неё ответа.

Звук колокольчика стал неожиданностью, все вокруг знали, что не следует беспокоить госпожу за завтраком, но теперь она даже обрадовалась: будет на

ком сорвать зло. Бесшумно подошла к воротам, пару секунд послушала, хмыкнула и распахнула створку. Сейчас кому-то достанется! И не кому-нибудь, а старшему следователю по особо важным, по совместительству её бывшему, Орону. Эмилия говаривала «бывший мужчина – не мужчина», и, хотя в данном случае умудрилась сохранить к нему некоторое уважение и даже тепло, лучшей когтеточки и придумать нельзя – честный, всё ещё любящий, печальный, а сейчас к тому же и сердитый Орон был идеальной кандидатурой.

– Вот только не начинай, Эмили, – с порога сказал он и тут же проиграл.

Эмилия скользнула по нему взглядом и вернулась на веранду, кошки на всякий случай спрятались. Орон пошёл за ней, но свернул на кухню и минуту спустя появился с чистой чашкой. Он точно знал, что её джезва рассчитана на две порции и Эмилия ещё не успела закончить первую. Любовь выглядит именно так – вы уже десять лет не вместе, но ты всё ещё помнишь, в какое мгновение после щелчка зажигалки нужно подсунуть пепельницу ей под локоть, чтобы пепел не упал на платье. Правда, за прошедшие годы любимая может бросить курить или перейти на трубку, но пить кофе Эмилия не перестала, и Орон, сделав глоток, замер и сдавленно произнёс:

– Ой-вавой, каждый раз как первый. К этому нельзя привыкнуть, но сегодня ты превзошла сама себя. Не думал, что такое возможно. Браво, браво.

Эмилия имела несколько талантов, кое-что делала мастерски, многое просто хорошо, в двух вещах была гениальна, но кофе, кофе она варила отвратительно. И, судя по реакции Орона, за эти годы стало только хуже. Она могла бы сказать, что лишь нахальный недоумок сначала отнимает у женщины кофе, а потом её же упрекает, не нравится – не пей, и вообще, какого чёрта. Но больше всего на свете Орона бесило её молчание, и потому Эмилия только улыбалась, остро ощущая, как по веранде разливается его злость, а её собственные нервы, наоборот, успокаиваются, наполняясь энергией. «Ещё немного, и ты исправишь мой день, дружочек», – подумала она. Краем глаза заметила, что заинтересованная кошачья тень выглянула из-под кресла, но гость её конечно же не заметил.

– Значит, – тем временем продолжил Орон, – я правильно зашёл, ты сегодня спала одна.

Ну да, в ином случае она бы пила отличный кофе, который мужчины варили прежде, чем их выставят за порог. Это был один из её талантов, она всегда чувствовала хороших любовников, которые готовят идеальный кофе. Её мужчины могли быть любого возраста, расы и статуса, но эти два свойства оказывались у них непременно.

– Спала одна и с утра гуляла. Так что ты видела?

Эмилия чуть склонила голову к плечу и посмотрела на него, как удивлённая безмозглая птичка.

– Эмили, я, между прочим, мог бы тебя прищучить, знаешь ли!

Она приподняла левую бровь, и к горячей волне его злости добавилась нотка горечи.

– Была на месте преступления и не вызвала полицию, имею право задержать до выяснения!

Эмилия протянула руку к маленькой белой бабочке, собирающей нектар из цветущего апельсина, и та покорно перелетела к ней на ладонь.

– Чёрт, какая же ты невыносимая. Ладно, слушай.

Малыш Ронни танцевал в «Нефритовой устрице», по вечерам выступал на сцене с сольными номерами, а потом уходил в кабинеты на индивидуальное обслуживание. Дамы его обожали, и потому он держал высокие расценки, не принимая больше одной клиентки за ночь. Он даже утверждал, что работает не ради денег, а из любви к разнообразию женского мира, но злые языки говорили, что причина кроется в извращённом тщеславии – Малыш Ронни из года в год занимал первую строчку в списке «золотых стержней» (был и такой рейтинг в свободном городе Мелави) и ужасно любил помахать своим сокровищем перед публикой. Выступления так его горячили, что грешно было не воспользоваться какой-нибудь восхищённой зрительницей. В конце вечера он иногда устраивал аукцион, и победительницы выкладывали впечатляющие суммы за доступ к легендарному телу. Малыш был уже не в том возрасте, чтобы его пушка

работала безотказно, но возбуждение от всеобщего внимания пока выручало. А кроме того, «золотой стержень» просто так не дают – член и правда был очень большой и красивый, наверное, лучший из всех, что Эмилии доводилось видеть. А видела она немало и прекрасно помнила Малыша Ронни с той стороны, пусть и не признала его в лицо там, в подворотне, но будь он голым, сообразила бы мгновенно. Но увы, его прекрасную штуку кто-то аккуратненько отрезал и унёс. «Варвары», – грустно подумала Эмилия.

– Естественно, вчерашних гостей опрашивают, – продолжал между тем Орен, – против обыкновения Малыш закончил вечер один, и уже не в первый раз. Поползли слухи, что он начал сдавать, мужья Мелави уже сговаривались устроить фейерверк по случаю его первого позора, когда о таком станет известно. Не успели. Зато теперь грядёт внеплановый праздник среди рогоносцев.

– И траур среди их жён, – Эмилия впервые подала голос.

– Эй, ты что, огорчилась? – Орен всмотрелся в её лицо. – Из-за такого ничтожества?!

– Зато он очень красивый. Был, – вздохнула она.

– Только не говори, что ты тоже... с этим...

– Господи, ну, конечно, не скажу, – насмешливо ответила Эмилия и ощутила в воздухе искры.

Орен взял себя в руки и спросил официальным тоном:

– Итак, что же ты видела?

– Ни-че-го. Пустая площадь, запах крови, свернула за угол и нашла. Труп свеженький, будто не так давно ещё бегал.

– Да, не больше получаса лежал.

– Сидел, – автоматически поправила она.

- Другие дырки на нём были?

- Я особо не разглядывала, но ведь он не просто так позволил к себе подобраться?

- В затылочной ямке довольно аккуратный прокол дагой.

- Кто-то очень ловкий и хорошо знает анатомию.

- Или клиент был не в себе и не дёргался. А чего сама не посмотрела?

- Испугалась. - Эмилия смущённо улыбнулась.

- Ну конееечно. Да если бы не это адское варево, я бы решил, что твоих рук дело - попользовалась, осталась недовольна и того, усекла. Но он бы тебе наверняка сначала кофе сделал, не пришлось бы теперь пить бурду.

- Твои дедуктивные способности ошеломляют. Столь изощрённое логическое построение и ни секунды сомнений в том, что я могла кого-то порезать. Я!

- От тебя всего можно ожидать...

- Я. Ненавижу. Кровь, - сказала она медленно и негромко, но так, что Орону осталось только вздохнуть и подняться.

- Ладно, не злись. Если что-нибудь вспомнишь, найди меня. Похороны завтра, если что.

Дверь за собой он закрыл бесшумно, а Эмилия не сдвинулась с места. Взяла его чашку и допила последние капли. Глупый красивый Орен, такой вспыльчивый и покорный. Он из макаби, коренных жителей блаженной Ареции, населявших здешние края наряду с эрви и бедами. Сейчас страна и особенно Мелави стали домом для самых разных народов, и не все из них сохранили традиции, языки и саму кровь. Но макаби умудрились пронести сквозь время свои главные свойства - воинственность и привычку повиноваться жёнам. Говорили, что их солдаты

боятся кинжалов врага меньше, чем шпилек своих женщин, и потому охотно идут служить в армию и полицию, лишь бы пореже бывать дома. Но Эмилия знала, что Орен обожает семейные радости, и даже слегка сожалела, что ей самой муж ни к чему. «По крайней мере, в ближайшую четверть века», – сказала она ему, а он только пожал плечами: «я подожду». С тех пор миновало так много лет, что Эмилия стала опасаться, не ошиблась ли она в сроках, может быть, следовало удвоить. Но Орен был лапочкой, без особой нужды в её жизни не возникал, а сам неизменно оказывался под рукой, если ей требовалась помощь. Правда, такое редко случалось, Эмилия Грим умела справляться со своими делами самостоятельно с шестнадцати, то есть уже лет... не будем уточнять, но несколько больше, чем можно подумать, глядя на неё.

Всё детство Милли хотела быть красавицей, как мама, от которой остался только портрет в гостиной. На нём в косых лучах вечернего света сияло тонкое бледное лицо и прозрачные зелёные глаза; идеальный нос, маленький рот, пышно взбитые каштановые волосы и долгая гордая шея – женщина была совершенна и даже старость не посмела её коснуться, не успела. Живой Милли её почти не помнила, зато дружила с Мадinou – ученицей и новой женой отца. Становиться матерью для чужой девчонки та не собиралась, но и не обижала, а по-своему любила, примерно как младшую сводную сестричку, балованную, но милую. Мадина была красавицей другого рода, с тёмными глазами и большим ртом, вся немного избыточная и немного слишком яркая. Впрочем, такой Милли видела её не всегда, иной раз, собираясь выйти из дома, мачеха делала с лицом что-то такое, отчего с него исчезали почти все краски, и тогда превращалась в смугловатую губастую простушку, на которую второй раз не взглянешь. Когда Милли чуть выросла и отважилась спросить, почему Мадина нарочно тускнеет и становится неприметной, та ответила странно:

– Мужчины предпочитают хорошеньких. Только говорят, что красота бесценна и желанна, а на самом деле она тревожит и бросает вызов. Если хочешь вызвать доверие или привязанность, лучше быть просто миленькой. А полная невзрачность – отличная маскировка.

– А папа тоже такой? – удивилась Милли.

– Нет, папа твой ничего не боится. По крайней мере, женщин – точно.

Милли тогда поняла, но не поверила. Всё равно хотелось быть великолепной, и она с тревогой рассматривала своё лицо – достаточно ли золота в волосах и зелени в глазах, тонок ли носик, хороши ли губы. Но пока она походила на юркую змейку с маленькой головкой, изящную, но не слишком приметную. Мамина говорила, что она идеальна, но казалось, это по доброте. С мачехой большой близости не получилось, они нечасто общались, Мамина пропадала в отцовской лаборатории или ходила где-то по своим тихим делам, а Милли проводила время в школе, возле моря или в лавке. Будучи дочерью аптекаря, она полностью осознавала, что однажды дело перейдёт к ней, и это отличная судьба. Она любила деревянные шкафы с тёмными пузырьками, запахи трав, масел и необъяснимое чувство свободы, которое приходило к ней за работой. Рано проснувшееся чутьё руководило ею, подсказывая соразмерные сочетания компонентов, будь то лекарства или духи. Чтобы стать мастером, ей предстояло изучить химию, фармакологию, медицину, парфюмерию и косметологию, прочитать всю фамильную библиотеку и проделать тысячи опытов. Но уже в детстве она чувствовала вещества, как другие ощущают ноты, естественным образом понимая, как из отдельных звуков сложить мелодию. Со временем начала видеть не просто правильный состав, но и то, подойдёт ли он определённому человеку. Началось это с духов, Милли сделала свой первый запах, когда ей исполнилось девять. Могла бы и раньше, желание уже давно рвалось из неё, как певческий голос, требующий выхода, но отец не позволял. Говорил, что энергия должна аккумулироваться, что неопытный аптекарь может убить человека, сам не заметив как, и запах иной раз бывает опасней кинжала. И лишь на девятый день рождения в качестве подарка он разрешил ей сделать духи.

– Для кого ты будешь создавать запах? – спросил он, и Милли почувствовала, что ответ для него важен. Для Мадины? Для подружек? Или сделать мужскую композицию для отца? Она прислушалась к своему желанию и поняла, что знает точно:

– Для себя.

Как молодые художники, которые учатся на автопортретах, когда нет денег на модель, так и любой исследователь сначала ставит опыты на том, кого знает лучше всех – на себе. Милли думала неделю, ей хотелось вложить в этот запах всё, что нужно сказать отцу о ней самой. О том, что она весёлая, немного

непослушная и всё равно умная, как бы ни ругался злющий учитель математики. Что любит море, карамель и папу. И ещё немного о том, какой она станет, когда вырастет.

В эти дни Милли думала о себе так много и напряжённо, как никогда раньше. Смотрелась в зеркало, пытаясь понять, какова она на самом деле и что из этого ей хочется открыть другим людям. Оглядывалась вокруг, отыскивая то, что нужно взять в рассказ о себе, гуляла самыми любимыми улицами, покупала на рынке сладости и цветы – в лаборатории были все нужные экстракты, но она искала впечатления. Зато, когда нашла, дело пошло быстро, на восьмой день Милли попросила ей не мешать и спустилась в лабораторию. Казалось, времени прошло всего ничего, но, когда она вернулась в свою комнату с флаконом, занимался рассвет. Милли помылась, расчесала волосы и переделалась в тёмное платье, которое делало её взрослей. Она понимала, что сегодня у неё экзамен и от него зависит будущее. Отец её очень любит, но всё равно не допустит к работе, если она провалится.

Когда вошла в гостиную, он уже был там, подтянутый и свежий, но Милли поняла, что отец тоже сегодня не спал. Она отдала ему флакон, он открыл и поставил его на стол – к запаху следовало приближаться медленно. Закрыв глаза и вдохнул. Перед ним была смеющаяся маленькая Милли, будто нарисованная на стекле – улыбка, глаза, русые волосы и солнце, бьющее сквозь неё.

– Неплохо, неплохо, – сказал он.

Это была лишь первая часть испытания, теперь предстояло самое главное. В комнату вошла Мадина и протянула ему руку, он взял иглу, обмакнул в духи и провёл черту по тонкому запястью, затем проделал то же самое с Милли. Подождал немного и поднёс к лицу руку жены. Мадина пахла юностью, игривой девчонкой, сладкоежкой и хулиганкой, кокетством и дерзостью – наверное, ей понравится иногда носить такое.

– Мило, – это в самом деле было хорошо. Духи, созданные для определённого человека, не обязаны раскрываться на всех остальных, но всё равно должны оставаться интересными.

А затем пришла очередь Милли.

Рисунок ожил, девочка вплела в волосы цветок апельсина и танцевала на морском берегу, потом оглянулась на него и внезапно изменилась. Она на глазах повзрослела, не слишком сильно, но стала серьезней и собранней. Ещё раз улыбнулась и ушла.

Он потёр глаза и понял, что они влажны, обнял дочь и вдохнул запах её волос – детский, какое счастье, что совсем ещё детский.

– Молодец, котёнок, и спасибо тебе.

– Ты чего, пап, за что?

– Ты лучше, чем я ожидал. – И добавил совсем тихо: – Ты лучше, чем я заслуживаю.

Последней фразы Милли не поняла, но ей было достаточно, что она справилась. Теперь отец будет учить её по-настоящему, не дважды в неделю, а почти ежедневно, и наконец-то откроет для неё тот высокий шкаф, где прятались компоненты лекарств. Ведь духи, мыло и кремы – это только начало, Милли хотела стать настоящим аптекарем, который способен управлять жизнью и смертью.

Так начался лучший год в той её жизни. После школы она спешила домой, чтобы поесть и потратить часок на домашнее задание, а потом наконец-то спускалась в лабораторию, где с ней работал отец или Мадина. Правда, в девять её оттуда выставляли, но были книги, которые она читала почти до утра. Милли пыталась заниматься даже в выходной, но отец вместо возражений достал с полки трактат о человеческом теле.

– Будь добра прочесть и написать доклад о том, каковы оптимальные условия для существования и правильного функционирования человека. Как только закончишь, вернёшься в лабораторию.

Милли уложилась в два дня и явилась к нему просветлённая:

– Оказывается, все эти глупости не бессмысленные вовсе, сон, правильная еда, прогулки и отдых нужны не потому, что взрослым так хочется. – И она выложила

на стол длинный список, включающий режим дня и диету, которую отец счёл чересчур строгой.

– Забываешь о радости жизни, ну да ладно, разберёшься ещё. Всё поняла?

Милли только кивнула. Она не дурочка, как могло показаться, наоборот, слишком умна и уже привыкла, что всякую данность взрослого мира нужно проверять логикой и практикой. В результате оказывалось, что многое «нельзя» очень даже допустимо, без «необходимого» можно прожить, а всякое там «неприличное» или «святое» почти всегда иллюзорно. Ей достаточно легко давались прогнозы на уровне школьной и домашней жизни – Милли замечала столько деталей, что они часто складывались в понятную картинку ближайшего будущего, о которой лучше бы помалкивать. Поначалу-то она могла предупредить учителя, что соседка по парте скорее всего не придёт сегодня, а потом удивлялась его недоумению. То, что папаша Сонины вчера вернулся весь избитый и теперь девочка ухаживает за больным, для неё было так же очевидно, как и знание, что красная луна предвещает песчаную бурю, – зарплатный день у докеров всегда заканчивался попойкой, а потом и дракой. Злой, но туповатый Мирек неизменно в неё ввязывался и получал по шее. А что докерам платят ровнёхонько пятнадцатого, она помнила, потому что их жёны всегда брали лекарства в долг до шестнадцатого. Поэтому ещё с вечера Милли напоминала отцу, что нужно заготовить побольше свинцовой примочки. Он-то её понимал отлично, а вот в школе начинали шептаться и называть ведьмой – с чего бы девчонке из чистого района знать, кого этой ночью избили в портовых кабаках? Так что Милли научилась не высовываться, но втайне жалела, что магического дара не было на самом деле, а так хотелось бы. Отец учил Милли простейшим схемам, позволяющим собирать энергию, но выкачивать её она не умела. Это как дождь – одно дело выставить во двор ведро и набрать немного воды, а другое дело – вызывать ливень щелчком пальцев. Зато всё, что можно было прочитать и применять, Милли вы зубрила. Ей легко давались чертежи и таблицы, построение причинно-следственных связей и наблюдение за вероятностями. Ошибалась она редко, обычно там, где дело касалось отношений мужчин и женщин – чувства нарушали прогнозы. Также проблемой были глупцы, которые зачастую действовали импульсивно и вопреки собственной выгоде, но Милли решила учитывать их как переменную величину.

Всё это звучит несколько тяжеловесно, но на самом деле Милли оставалась ребёнком, хоть и увлекалась серьёзными вещами. Любое событие, да и весь мир казались ей мозаикой, на которую можно взглянуть сверху и найти

закономерности. Случайных кусочков будет много, но, если хорошенько присмотреться, обязательно разглядишь какой-нибудь орнамент. Милли искренне верила, что смысл есть во всём, нужно только его найти и вытянуть, как единственную золотую нить, спрятанную в переплетениях многоцветной узорной ткани.

В своих изысканиях Милли была совершенно счастлива, и так продолжалось ровно до следующего дня рождения. Десятилетие решили отметить в Джерабе – столице, которую многие считали центром мира. Джераб был оплотом трёх религий, в нём хранились щепки Святого Колеса, высился золотой купол молитвенного дома эрвийского бога Аль-Раши и стояли руины храма Безымянного, которого чтили макаби. Город считался священным, и всякие распри в нём запрещались, светские праздники проходили не в пример тише, чем в распутном Мелави, зато было много красивых и древних мест, ухоженные парки утешали прохладой, а рынки поражали богатством и многолюдностью. В столицу Мадина и Милли поехали вдвоём, отец, как всегда, работал и поздравил дочь, подарив бесценную вещь – кристалл-накопитель, собирающий шальную энергию, которую можно потом забрать одним прикосновением, без всяких сложных схем и ритуалов. Накопитель поглощал, в том числе, и выплески эмоций, как своего владельца, так и чужие, и сохранял их энергию впрок. Эти кристаллы, в отличие от обычных, стоили бешеных денег, и счастливые обладатели прятали их на груди, скрывая от посторонних глаз, потому что такие артефакты могли сдёрнуть с шеи вместе с головой. Милли даже не подозревала, что отец, простой аптекарь, обладал столь дорогим предметом, и тем более не думала, что он передаст его ей. Но отец снял с себя тонкую тусклую цепь с кристаллом, надел на дочь и сказал:

– Ты ведь понимаешь ценность этой вещи? Для остального мира твоя жизнь стоит гораздо меньше, поэтому не дай Колесованный проболтаться о ней кому угодно.

– Но если она так опасна, почему?..

– Хочу, чтобы сегодня она была у тебя, а завтра поглядим, где её лучше хранить.

На прощанье отец обнял её очень крепко, но Мадина уже подкатила к воротам и просигналила, и он разжал руки. Они поехали на шикарном красном мобиле, который редко покидал гараж, потому что выглядел вызывающе. Для обычных поездок Мадина предпочитала неприметную чёрную машину, но сегодня им

предстояла кутёж. Они остановились в старейшей гостинице Джераба, которая не выглядела роскошной, зато с крыши её открывался дивный вид. Город лежал как на ладони и очаровывал с первого взгляда. Невысокие дома из белого камня розовели в вечернем солнце, спускаясь с холмов, как стада овец, по торговым улицам текла яркая толпа, а возле храмов собирались люди в светлых одеждах. Горный воздух был настолько прозрачен, что можно различить море на западе и жёлтые камни пустыни на востоке, светло-зелёные поля, окружённые искусственными каналами, на юге и тёмные северные леса. Но Милли притягивал сам город, не такой весёлый, как Мелави, зато таинственный и прекрасный. У них был всего один вечер, и следовало успеть до закрытия лавок – отец выдал Мадине грандиозную сумму на расходы. Милли спокойно рассматривала платья и украшения, затрепетала только в книжной лавке и надолго там застряла. Потом был ужин в одном из лучших ресторанов города, который выглядел как и всё лучшее в этом городе – скромным, старым и красивым. А ночью Милли снова выбралась на крышу и всё не могла насмотреться на золотые огни, дышала запахом Джераба, в котором смешивалась и прохлада, и дымная горечь, и ладан, и пустынный жар. Подумала, что если бы сейчас составляла духи для себя, то они были бы немного другими и обязательно включили в себя эту ноту и ещё аромат солнечно-жёлтых булок, купленных у Судейских ворот.

Милли уснула, как только легла в постель, потом открыла глаза и поняла, что уже рассвело и горлицы воркуют за окном. После она часто думала, какой на самом деле была эта ночь, которую будто вырезали из её жизни. Но тем утром она ни о чём таком не помышляла, а сразу помчалась смотреть на просыпающийся город и задохнулась от его красоты – теперь его весь заливало золото, сияли и белые дома, и крыши храмов, и тонкая полоска моря на западе, там, где сейчас пробуждался Мелави. Они с Мадиной ещё немного погуляли, купили подарков друг другу и отцу, а потом сели в мобиль и покатали обратно. Дорога ныряла по холмам вверх и вниз, а Милли хотелось смеяться и петь, как птичке, без слов, а потом обязательно донести свою радость до отца и разделить её с ним, как ту жёлтую, ещё тёплую булку, которую она с утра купила специально для него и теперь изо всех сил старалась не съесть.

Калитка была не заперта, но встретил их не отец, а свежий железистый запах крови, который Милли сразу узнала, хотя не так часто ей приходилось нюхать кровь, разве что на рынке в мясном ряду.

Она ринулась в дом, Мадина попыталась её удержать, но Милли выскользнула из цепких рук, как змейка, и устремилась на этот запах – по коридору, вниз по лестнице, в лабораторию. Тяжёлая дверь с шестью замками была распахнута, и Милли с порога увидела отца. Голова запрокинута, лицо отрешённое, будто он закрыл глаза и повторяет про себя состав лекарства, прежде чем приступить к приготовлению. А вот ниже шеи он весь покрыт потемневшей кровью, кожа на груди свисает лохмотьями, а под ней... Милли не досмотрела, потому что Мадина схватила за руку, повернула к себе, а потом прижала к её лицу резко пахнущий платок и удерживала его до тех пор, пока всё вокруг не перестало существовать.

Милли очнулась в незнакомом доме, в чужой постели, и у неё не было ни секунды блаженного неведения, она сразу вспомнила всё, и тело отца встало перед глазами. Она ещё не знала, но картина разгромленной лаборатории и мертвеца, привязанного к стулу, осталась с ней надолго. Не только перед сном, когда она закрывала глаза, – достаточно было на минуту задуматься, отвлечься от повседневных дел, и перед ней снова возникало спокойное лицо, окровавленная кожа и обнажившаяся плоть, которую она не успела разглядеть тогда и теперь день за днём была вынуждена всматриваться в призрак. Казалось, если она сможет увидеть всё до конца, то наваждение её покинет.

Но в тот первый день своей новой жизни она просто повернула голову и увидела бледную Мадину, лежащую рядом. На секунду показалось, что она не дышит и тоже мертва, и все мертвы, одна Милли обречена быть живой среди трупов. Она зажмурилась и закричала, и кричала до тех пор, пока сильные руки не встряхнули её, как куклу. Ласковый голос, противоречащий жёстким, почти грубым прикосновениям, зашептал «тихо, тихо, тихо», а потом она снова ощутила знакомый горький запах и утонула в беспамятстве.

В следующий раз она открыла глаза и сразу увидела вполне живую Мадину, которая подала ей стакан с водой. Кисловатый привкус насторожил Милли, она испугалась, что опять провалится в сон, но это был всего лишь лимон. Жажда не отступала, она проглотила воду залпом и сразу потянулась за кувшином. Мадина подождала, пока она напьётся, проводила в туалет, затем отвела обратно в ту же маленькую светлую комнату, и там они наконец-то поговорили.

Вернее, говорила Мадина, а Милли только слушала, потому что всякий раз, когда она открывала рот, губы не подчинялись. Не онемела, нет, но при любой попытке заговорить наваливалось полное и окончательное ощущение бессмысленности. Мадина сказала, что отец убит, но на этом дело не кончилось, за их городским домом следят, и потому они будут жить тут, в тайном горном убежище. Отец специально приготовил его на случай беды, про него не знала ни Милли, ни кто-либо из друзей. И оставаться в нём придётся не месяц и не два, а годы, здесь она будет учиться, тренироваться и, да, лаборатория у них есть, так что и работать тоже.

– Я обещала твоему отцу, – мрачно закончила Мадина, – что ты выживешь и вырастешь сильной. Поверь, я не в восторге от перспективы торчать тут с тобой, но Генрих... он был хорошим человеком, так что ради него, не ради тебя.

Милли могла бы ответить, но зачем? Что бы она ни сказала сейчас, разве это вернёт отца? Разве время отмотается назад, как рулон узорчатой ткани, и вернёт её в ту точку, где он был жив и обнимал её тёплыми большими руками, а его кожа не висела кровавыми лохмотьями и под ней... Не думать.

Потянулись долгие вязкие дни, каждый из которых ничего не стоил, потому что ничего не мог изменить. Милли вставала с постели, умывалась, ела, совершала пробежки по окрестным холмам, читала книги и выполняла задания, но только когда Мадина требовала. Если та с утра не входила к ней в комнату, то день не начинался и Милли не вылезала из-под одеяла. Но внешняя апатия не означала, что она пребывала в равнодушии. О нет, Милли испытывала ужас и гнев, и все силы тратила на то, чтобы удержать остатки рассудка в узде, не заорать и не утонуть в красных беспощадных волнах. Потому что сразу, едва удалось начать связно мыслить, она поняла, что отец умер из-за неё. Она бездумно приняла в подарок кристалл и уехала развлекаться, а в это время пришли воры, которые знали, что драгоценность должна быть в доме. Они пытали отца, пока Милли любовалась белым городом, ела нежную форель, безмятежно спала, перебирала всякий хлам в лавочках и покупала жёлтую булку – а они его убивали. Будь кристалл на месте, забрали бы и ушли, но теперь из-за глупой жадной Милли отец мёртв.

Она ненавидела себя и за то, что ничего не предвидела. Она, гордящаяся своим умением просчитывать мир в мелочах, проглядела катастрофу. На кой чёрт все её таланты, если она не осознала смертельной опасности у себя под носом?

А ещё она всё никак не могла вспомнить, что было там, у него на груди, и это сводило с ума, особенно по ночам. Отец появлялся, и взгляд снова и снова устремлялся к его ранам. Казалось, если их разглядеть, то умрёшь от страха и отвращения, но и не смотреть нельзя, это оскорбляло его память. И неведомые голоса шептали ей «посмотри», и она пыталась, но видела только размытое бурое пятно.

Однажды показалось, что она нашла выход. Учебник по физиологии научил её, что человеческая плоть в целом похожа, а значит, под кожей отца было примерно то же, что и под любой человеческой кожей. И когда эта простая идея пришла в голову, Милли, ни минуты не медля, спустилась в лабораторию и открыла шкаф с инструментами.

Мадина не знала, какое чутьё привело её, наверное, услышала шаги на лестнице и удивилась, что они необычайно тверды – ведь девчонка в последнее время двигалась, как тень. А тут топала уверенно и целеустремлённо. Мадина последовала за ней почти сразу же и как раз успела увидеть резкий взмах скальпеля и широкую полосу крови, текущую по бледной ляжке. Милли быстро и бесшумно резала свою ногу, видимо, не ощущая боли, а на лице её читалось облегчение. Именно это странное умиротворённое выражение напугало Мадину до полусмерти, и она двумя короткими ударами выбила скальпель из окровавленных пальцев и закатила звонкую оплеуху, от которой голова девчонки запрокинулась, точно как... Мадина не додумала, она обхватила маленькое напряжённое тело и заплакала, впервые с того дня. Милли замерла, а потом вдруг почувствовала, что и в ней взрывается какая-то плотина, сдерживавшая слёзы, горе и вину, и теперь она может плакать, орать, признаваться в самом страшном и постыдном. Что всё из-за неё, что она не просчитала и что не разглядела, секунды не хватило увидеть...

От удивления Мадина перестала выть и всмотрелась в искажённое отчаянием лицо. Ребёнок, совсем маленький глупый ребёнок, хоть и гений – Генрих говорил, что у дочери в голове арифмометр, весы и вся химическая энциклопедия разом. «Она раскроется, Мадо, и равных не будет, вот увидишь. Она драгоценна», – повторял он, и Мадина знала, что это не отцовская гордость говорит в нём, маленькая чертовка не просто талантлива, она дерзновенна, и при этом расчётлива, как лисица. За всем этим Мадина умудрилась забыть, что Милли всего лишь ребёнок.

– Чёрт, ну не умею я с детьми. Слушай меня, змеёныш. Ты знаешь, кто был твой отец? Знаешь, что такое «ночной аптекарь»?

Милли пару раз слышала шепоток за спиной, но думала, что «её папаша – ночной аптекарь» – это про то окошко в задней двери, которое открывалось после заката, когда запирали лавку. У смерти нет нерабочих часов, люди болеют круглосуточно, лекарства могут понадобиться в любой момент, и потому тихий стук мог прозвучать и в полночь, и в час Быка, когда перед рассветом стоит самая глухая темнота. Встревоженные матери просили жаропонижающее для малышей, кто-то корчился от зубной боли, акушерки присылали бледных мужей за кровоостанавливающим для их рожениц, а кому-то требовалось залатать дырку, полученную в тёмном переулке. Умненькая Милли понимала, что не с каждой раной можно пойти в больницу и не про каждую драку сообщают в полицию, и потому спокойно приняла слова отца о том, что стук в заднюю дверь её не касается.

И вот теперь Мадина прямо и без лишних сантиментов сообщила ей, что ночной аптекарь ведаёт совсем другими вещами. И веществами. Что женщины приходили к нему не только за детской присыпкой, но и когда хотели одурманить и соблазнить мужчину или вытравить плод. Что мрачные типы страдали не от мигреней – их интересовали наркотики и яды.

– Так что, папа был... – изумлённая Милли никак не могла найти нужное слово, – преступник?

– Твой папа был гений, – твёрдо ответила Мадина, – он слышал музыку природы, творил искусство, сочетая вещества так, что они становились смертоносными или живительными. А вот люди пользовались результатами его труда, как считали нужным, в том числе и для преступлений. Это их выбор.

– Но яд же убивает, как можно употребить его с пользой?

– Яд позволяет человеку прервать свою жизнь, чтобы больше не чувствовать боли, от которой нельзя избавиться.

«Бывает такая боль», – согласилась Милли, теперь она это понимала.

– Точно как нет тёмной и светлой энергии, так и любое вещество содержит в себе зло и благо. Как и любой человек. Когда твой отец работал, я будто следила за руками Бога, создающего совершенство. Идеальная концентрированная любовь, идеальная иллюзия в тёмном флаконе, идеальная смерть.

За идеальную смерть его и убили. Он замыслил создать жидкость без вкуса, цвета и запаха, чьи следы нельзя отыскать в организме. Каплю в стакан воды, на перчатки, на сигарету, в крем или свечной воск – любого соприкосновения с нею достаточно, чтобы через неделю сердце остановилось. Этот заказ стал вызовом, Генрих работал над ним несколько лет и наконец получил результат – смерть в чистом виде. Заказчик регулярно осведомлялся о ходе работы, и узнав, что дело близится к завершению, пришёл в такой восторг, что разговорился. Они встречались в кабинете ресторана, и невзрачный, совсем нестрашный малорослый человек с трогательно розовеющими ушами, попивая вино, рассказал, что цель его единомышленников велика и прекрасна, а путь достижения символичен. Есть известное изящество в том, что для получения доступа к Источнику они отравят источник – городскую систему водоснабжения. На всех яда не хватит, да и незачем, достаточно того квартала в Джерабе, где селится чистая публика, чиновники и богатеи. Когда они начнутдохнуть в своих роскошных домах, власти обосрутсся от страха и услышат, наконец, народ. Доступ к Источнику должен быть открыт для всех, кто способен черпать энергию! Пора положить конец монополии властей! Сила для тех, кому хватит духу ею управлять!

Он выкрикивал лозунги, стремительно пьянея, а Генрих медленно осознавал, что, кажется, заигрался в господя всемогущего, в этот раз не получится стоять выше добра и зла – гибель тысяч детей и взрослых будет на его совести. Генрих не был ни сумасшедшим учёным, способным взорвать мир из чистого любопытства, ни кабинетным идеалистом, далёким от всего земного. Его восхищала наука, и если находились люди, готовые оплачивать исследования и проводить полевые испытания, в вопросы морали он не погружался, оставляя их на совести заказчика. Лично ему нравилось заниматься ядами больше, чем лекарствами. Генрих не признался бы в этом даже себе, но с тех пор, как не смог сберечь свою нежную зеленоглазую жену, он разочаровался в жизни, ведь в исцеление можно вложить душу и всё-таки не спасти. Работа на смерть приносила более предсказуемые результаты, она была покладистой клиенткой. Но именно сейчас результат его не устроил.

Накануне дня рождения Милли он оповестил заказчика, что работа неожиданно затягивается. К тому моменту убежище в горах было подготовлено, все деньги переведены на несколько анонимных счетов, никак не связанных с семейством Грим. Он собирался законсервировать лабораторию, дождаться возвращения жены и дочери из Джераба, а потом отправиться на семейный пикник, чтобы навсегда исчезнуть. Их красный мобиль должен соскользнуть с обрыва и показательно взорваться в горах – энергетические кристаллы не выносят падения в пропасть.

И мобиль действительно взорвался, и стоило полюбоваться тем, как алая машина, кувыряясь, летит в синее бездонное ущелье и вспыхивает золотым пламенем. Мадина всё сделала в соответствии с планом и спряталась в убежище вместе с Милли. Вот только без Генриха, заказчик не стал ждать условленной встречи и пришёл к нему сам. Он ни секунды не верил, что ночной аптекарь не справляется, и хотел получить заказ, пусть и не доведённый до совершенства.

– Но Генрих ему ничего не сказал, можешь не сомневаться, – закончила Мадина. – Так что, змеёныш, выброси из головы глупости, ради твоего накопителя никто бы на такое не пошёл, ставки неизмеримо выше.

– Почему я ничего не замечала? – Милли спрашивала скорее себя, чем Мадину, но та ответила:

– Потому что не должна была. Твой отец умел хранить свои секреты как никто, и прежде всего от самых близких. Даже я не знаю, где этот чёртов флакон. И слава богу. Вот только эти уроды уверены, что мы с тобой знаем. Хорошо, если взрыв их обманул, но вдруг усомнятся в нашей гибели? Так что сидим тихо и пытаемся выжить.

– Зачем? – Ну правда, зачем, если ткань всё равно не развернётся обратно, возвращая отца, их дом, прежнюю счастливую жизнь.

– Зачем? Милли, ты меня разочаровываешь, в змеиной кладке оказалось куриное яйцо? Хочешь, чтобы уроды остались безнаказанными? Нет, серьёзно?

Милли закрыла лицо руками. Не вернуть, не вернуть.

– Его нельзя вернуть, – Мадина будто читала её мысли, – но ты сможешь передать ему свою любовь. Уроды и передадут, знаешь, как записочку «Дорогой папочка, посылаю тебе подарок».

Мадина расхохоталась, и хотя смех её звучал жутковато, Милли тоже улыбнулась. По большому счёту, умирать не хотелось, просто она не видела смысла жить, а теперь вот он, смысл.

– Только я спать не могу, – пожаловалась она, – ну, из-за кожи. Всё время вижу его рану, а рассмотреть не получается. Можно я всё-таки ногу, ну, немножко, чтобы понять?..

– Да зачем же себя-то портить, змеёныш? Отложи это. Когда доберёшься до уродов, заодно и поглядишь, как у них там всё устроено.

Милли подумала и поняла, что сможет уговорить своих демонов подождать. Недолго, несколько лет, это нестрашно.

В последние годы Эмилия замечала за собой приступы сентиментальности, которые изрядно её пугали как первейший признак старческого слабоумия. Слава богу, орущим младенцам пока не умилялась, но вот смерть мимолётно близкого мужчины уже наводила на мысли о скоропреходящей красоте и быстротечности времени. Даже пара бесценных слезинок скатилась по фарфоровым щекам и упала в стейк медиум вэлл, который она кромсала ножом – выбрала его к обеду по ассоциации. Дела её были не настолько плохи, чтобы утреннее происшествие испортило аппетит, но сам факт печали настораживал. Более того, Эмилия хотела посетить похороны, зрелище обещало быть занимательным. Но это завтра в полдень, а нынче у неё свободный вечер, и раз уж утренняя прогулка оказалась непоправимо испорчена, она решила встретить закат у моря и пойти в северный порт, к яхтам. Жаркая суетливая жизнь кипела на юге, куда стекались торговые суда, а здесь швартовались только лёгкие кораблики богатых и очень богатых людей, работали модные рестораны, играла негромкая музыка, расхаживали нарядные женщины и ослепительные мужчины. Можно сказать, царил относительная благопристойность, насколько она

возможна в вольном городе. Эмилии обычно хотелось всё испортить какой-нибудь идиотской выходкой, но сейчас она нуждалась в покое. Сегодня не было сил на эпатаж, и потому весь нонконформизм свёлся к выбору одежды: длинное винно-красное платье, развевающееся на ветру, чересчур поношеное и немного выгоревшее, и тонкая невзрачная шаль из сырого шёлка. Не вполне бродяжка, скорее обедневшая представительница богемы, которая кошелёк не стащит, но и не принесёт ресторану дохода, если займёт столик на веранде – станет полтора часа тянуть свой двойной кофе и вряд ли привлечёт внимание фланирующих мужчин в поиске. А если привлечёт, то наверняка не согласится выпить с кем-нибудь вина, пусть и за чужой счёт. Скучнейшее, в общем, создание, не стоящее второго взгляда.

Эмилия не смогла бы объяснить, зачем нужен этот театр одного зрителя, бессмысленная маскировка и попытка примерить личину, ведь давным-давно прошли времена, когда ей действительно приходилось скрываться и обманывать внимательных соглядатаев. Возможно, теперь это игра с собой, способ посмотреть вокруг чужими глазами и немного отстраниться от собственной личности, госпожи Эмилии Грим, русоволосой женщины, отмечающей тридцать седьмой день рождения уже не первый десяток лет, той, чьё имя в этом городе знают все... все, кто должны знать.

Но сегодня её занимали вопросы попроще: что надеть на завтрашнее мероприятие, какому извращенцу пришло в голову прикончить бедного Ронни и где она сегодня намерена съесть десерт, традиционно заменяющий ей ужин. Диета Эмилии была строгой, но справедливой: кофе и йогурт на завтрак, мясо или рыба на обед, а в конце дня что-нибудь для радости – отец говорил, что без этого аскеза не приносит пользы телу, отвлекает ум и огорчает душу. Сладкое она обожала до самозабвения, злые языки утверждали – в те давние времена, когда о ней ещё смели сплетничать, – что Змейка питается шоколадом и мужскими сердцами. Это была наглая ложь, шоколад Эмилия не любила. Ей больше нравилась карамель.

Вечернее удовольствие следовало выбирать ответственно. Если бы она пошла в южный порт, то купила бы у эрвийских пекарей сладкую, как грех, булочку с изюмом и заварным кремом, и съела её, усевшись прямо на каменную мостовую набережной, наслаждаясь каждой крошкой и наблюдая за быстро исчезающим солнцем. И никакого чая, чтобы концентрация сахара оставалась запредельной.

Но здесь, на севере, не продавали развратной еды, и потому она заглянула к Джеронимо, чьи лёгкие взбитые десерты отлично сочетались с капелькой портвейна. Ценители его кухни толпились в кафе каждый вечер, но для Эмилии маленький столик появился по волшебству, чуть в стороне от остальных гостей, почти у самой воды.

Она положила в рот первую ложечку невесомого молочного мусса, сделала глоток пряного портвейна, подняла глаза к небу и увидела, как огромный золотой шар спускается к горизонту, окрашивая облака красным. День всё-таки удался, несмотря на утренние неприятности, и Мелави всё так же хорош, что бы там ни вытворяли его жители. Эмилия искренне верила, что большинство из них милые добрые люди – во-первых, человек добр по природе своей, а во-вторых, она лично в своё время приложила руку к тому, чтобы поголовье неприятных типов в городе значительно уменьшилось.

И теперь она рассматривала гуляющих и любовалась пестротой и разнородностью толпы. Закутанные до самых глаз женщины бедов и едва прикрытые полупрозрачными платьями светские девушки макаби; аккуратные чёрно-белые семьи ревностных поклонников Безымянного и затейливо наряженные люди искусства; сияющие, как новогодние деревья, содержанки и безупречно одетые законные жёны; парочки влюблённых мужчин, которые чувствовали себя в Мелави свободней, чем где-либо на Востоке, и западные гости города, очарованные его экзотической прелестью. Почти все подтянутые, красивые и молодые, если не присматриваться. Эмилия ценила Мелави за то, что в нём причудливо смешались не только национальности, религии и культуры, но и временные пласты, одни люди жили по правилам, принятым тысячу лет назад, другие были вполне современны, а третьи казались гостями из будущего. И потому не оставляло ощущение, что за любым поворотом может открыться дверь, через которую неосторожный прохожий попадёт в совершенно другой мир, иногда не по своей воле.

Когда совсем стемнело, зажглись огни: голубоватые газовые фонари снаружи, маленькие свечки на столиках, золотистые лампы с кристаллами в глубине зала. Эмилия засобиралась домой, завтра следовало быть свежей и внимательной – хорошо, если безобразие учинил залётный извращенец, но вдруг кто-нибудь из местных столь затейливо сошёл с ума? Это могло быть, как минимум, любопытно, но правда, в которой она не любила себе признаваться, состояла в том, что Эмилия чувствовала ответственность за происходящее в Мелави: она хотела, чтобы его весёлые беззаботные жители таковыми и оставались. А когда

у тебя за углом людей кастрируют, как котов, это тревожно.

На похороны оделась просто и не слишком приметно, ровно так, как принято у обеспеченных дам, не желающих привлечь к себе внимание. Ронни, как оказалось, принадлежал к церкви Колесованного и отпевали его в небольшом, но очень модном храме Святого Иммануила на юге Мелави. Белый, тонкий, увенчанный высоким шпилем, он снова навёл Эмилию на воспоминания о главном достоинстве покойника, но она отогнала неприличные мысли – в конце концов, она пришла в дом бога своего отца, следовало проявить уважение. Бог, как обычно, покорно страдал, растянутый на пылающем колесе, его запрокинутое лицо глядело в небо, прозрачные длиннопалые руки и ноги с узкими ступнями безвольно свешивались. У Эмилии была история из детства, которую она сама не помнила, но ей рассказали: когда маленькая Милли впервые зашла в храм, подняла голову и увидела Колесо, сначала задохнулась от ужаса, а потом заорала так, что её не могли успокоить несколько дней. И долго ещё не выносила вида сакрального изображения, даже схематичного. Сама она вроде бы вспоминала высокие двери, прохладный зал, куда после жаркой улицы входила с радостью, золотые лучи солнца, падающие сквозь узкие окна, и тени на полу, которые только начали складываться в какую-то фигуру, когда Милли поглядела вверх и, и... и дальше ничего. Но так или иначе, с тех пор Колеса в доме не было, историй о нём не рассказывали, и Милли так и не приобщилась к вере. Оно и к лучшему, потому что весь последующий опыт показал, что бог её отца явно глух и слеп, если допускает столько несправедливости и боли. Вот Ронни, например, бедный простодушный Ронни с его большим членом и маленькими яйцами – за что?

Эмилия отвлеклась от теологических размышлений и огляделась вокруг. Да, на это стоило посмотреть: маленький зал набит женщинами разных возрастов и мастей, но преобладают зрелые дамы в хорошо скроенных тёмных платьях. Большинство прикрывают лица вуалями, но встречаются и дерзкие красавицы в красном, которые ни от кого не прячутся. Их вызывающие туалеты смотрелись бы на общем фоне оригинально, когда бы таких дам не набрался десяток. Эмилия покачала головой: примитивный эпатаж в своём стремлении отличиться почти всегда приводит к обратному результату и выглядит банально. Тоньше надо быть, девочки, тоньше. Её саму из толпы не выделяло почти ничего, кроме веточки цветущего апельсина, приколотой к платью, но это было её постоянное украшение. Не многие понимали, что эта привычка обходилась дороже иных бриллиантов: в её саду флёрдоранж не переводился круглый год, и это

требовало огромных энергетических затрат и услуг опытного садовника. Эмилия всегда хотела держать в доме смуглого мускулистого красавчика, который бы возделывал её садик в любое время дня и ночи, но пришлось пригласить хрупкого ворчливого старичка, умеющего управляться с энергетическими контурами и знающего о растениях всё. Он отрегулировал жизненный цикл дюжины деревьев так, чтобы каждый месяц одно из них цвело. Впрочем, сейчас, в начале весны, апельсины уже покрылись грубоватыми душистыми цветами сами по себе, по естественным природным законам, и её бутоньерка не привлекала внимания.

В руках Эмилия держала две пышные красные розы на длинных стеблях и этим тоже не выделялась среди прочих дам, мало кто из них принёс белые цветы.

У дверей столпились немногие мужчины, но все, как на подбор, красавцы – очевидно, коллеги покойного. Среди них мелькнула женщина в характерном сером покрывале до глаз, но предпочла спрятаться за широкими плечами – беды не отличались свободными нравами и грешили как все, но этот факт не афишировали.

Священник тем временем подошёл ко гробу, собираясь начать заупокойную молитву. Ого, поклонницы Ронни оплатили церемонию по высшему разряду – его провожал сам отец Свилан, пастырь, пользующийся огромным и, главное, заслуженным авторитетом. Он мог отпеть нищего совершенно бесплатно и взять целое состояние за какого-нибудь грешного богатея, а все деньги тратил на благотворительность. Говорят, он не сразу пришёл к вере, его привела какая-то личная трагедия, наверняка любовная... Но тут зазвучала молитва, и Эмилия перестала думать, безыскусный погребальный канон всегда трогал её сердце и вызывал слёзы, над кем бы его ни читали.

«Пред вами лежу я без слова и вздоха и улыбки, так поплачьте обо мне, родные и любимые. Ещё вчера я беседовал с вами, танцевал и веселился, а ныне лежу неподвижно. Придите же все, любящие меня, и целуйте последним поцелуем, обнимите последним объятием, ведь больше не быть мне с вами и не знать объятий ваших и поцелуев». Тут дамы синхронно всхлипнули, и долгий хлюпающий звук отразился от сводов храма. Эмилия их отлично понимала, это и вправду было больно.

«Ухожу я туда, где равны богач и бедняк, господин и слуга едины в своём достоинстве и оценены по делам своим. Но просите же Господа за меня, чтобы

не был я наказан по грехам моим, но за добрые деяния был взят туда, где свет». Дамы пригорюнились, а Эмилия задумалась, искупит ли радость, которую доставлял Ронни, грех распутства. В конце концов, множество женщин поминали имя божье в его постели, крича от наслаждения.

«Плачу я горькими слезами, когда представляю смерть и вижу красоту нашу во гробе, лежащую уродливой, бесславной, не имеющей приятности. Как же свершилось это с нами, прежде живыми? Только волею Господа, дающего всем упокоение».

На этой оптимистичной ноте служба завершилась, рыдающие дамы потянулись к покойному, чтобы последний раз прижаться к нему пышными бюстами и целомудренно поцеловать в лоб. Эмилия обошлась без этого, положила свои розы в груды цветов в изножье и только тогда посмотрела в лицо Ронни: оно было совершенно неживым и очень спокойным, гримёр позаботился, чтобы убрать отпечаток страдания, если он был. «Спи, дурачок, спасибо за кофе. Увидимся», – пробормотала она и двинулась к выходу. На кладбище не собиралась, но задержалась в церковном дворике, чтобы ещё раз посмотреть на скорбящих.

– Прелестная церемония, не правда ли? – Высокая фигура склонилась над ней, загораживая солнце.

– Душераздирающая, – согласилась Эмилия. Она не могла разглядеть лица против света, но поняла, что мужчина молод.

– Пойдёте на кладбище? – поинтересовался он.

– Нет, всё это слишком для меня, боюсь, моё бедное сердце не выдержит столько печали.

– Понимаю. Тогда, может быть, вы согласитесь выпить со мной чашку кофе? Здесь поблизости есть милое место, где отлично варят на песке. Я мог бы разделить вашу скорбь.

Ах, вот в чём дело, более молодые и менее знаменитые коллеги Ронни явились, чтобы по горячим следам разобрать клиентуру покойного. То, что надо!

– Конечно, – улыбнулась Эмилия, – я падаю с ног.

– Позвольте предложить вам руку, – он галантно подставил локоть.

Кафе и правда оказалось за углом, и Эмилия счастливо вздохнула, устраиваясь на диванчике в прохладной тени веранды.

– А вы храбрый юноша, – заметила она, – даже лица не рассмотрели и уже пригласили на, скажем так, кофе. А что, если бы я оказалась старухой?

На куртуазном языке Мелави приглашение на кофе было однозначным намёком, и парень правда рисковал.

– Достаточно увидеть вас в движении, чтобы понять, что вы молоды и прекрасны. А кроме того, я бы справился в любом случае. – И он расхохотался, как мальчишка.

«Мальчишка и есть, лет двадцать пять, не больше».

Эмилия откинула вуаль и наконец-то заглянула ему в глаза.

– Сирилл, – она выдохнула имя негромко, но так, будто второй раз за день увидела покойника.

– Не может быть, что мы знакомы, я бы вас запомнил, – сказал он, рассматривая её лицо. – Не будь вы так молоды, решил бы, что вы помните моего отца, маменька говорит, я вылитый он. Потому и назвала в его честь, хотя старый чёрт этого не заслуживал.

– Ваш почтенный батюшка больше не с вами? – справившись с волнением, поинтересовалась Эмилия.

– Надо сказать, он с самого начала был не с нами, – пожал плечами парень. – У него своя жизнь и он не спешил нас признавать. Когда состарился, уехал из страны, наверняка жив, он крепкий, но я о нём ничего не знаю.

«Состарился, надо же, Сирилл состарился».

- Так вы его знали?

- Не имела удовольствия, будем считать, что это была минутка ясновидения.

Хороший мальчик не имел привычки лезть в тайны клиенток и потому не стал настаивать.

- Хотел бы и я угадать ваше имя. Маргарита, Камелия?

- Упаси господь.

- Целеста, Аграфена, Иокаста?

Он смеялся, и Эмилия развеселилась тоже. Очаровательное существо: редкие в здешних краях белокурые волосы, рубленые черты лица, мальчишеская улыбка и совершенно необыкновенные глаза, тёмный ободок вокруг радужки подчёркивает её светло-серый, почти белёсый цвет. Уникальный оттенок, Эмилия встречала такой лишь дважды.

Невозможно оторвать взгляд, до чего хорош. Но к делу. Она вздохнула:

- Эмилия. Давайте же поговорим о покойном, всё-таки у нас импровизированные поминки, и выпьем за лёгкий переход.

- Тогда лучше вина, что вы предпочитаете?

- Белое. - «Светлое, как твои глаза».

Им как раз принесли кофе в маленьких джезвах, и Сирилл дополнил заказ. Попросил не самое дорогое, что делает ему честь, - ведь платить, очевидно, будет она, - но хорошее местное вино и сыр.

Официант вернулся очень быстро, и они подняли бокалы.

- Упокой душу, - произнесла Эмилия и сделала левой рукой небрежный знак Колеса.

– Лёгкого пути, – склонил голову Сирилл.

– Итак, вы были друзьями?

– Ох, нет, в нашей среде между собой редко дружат. Конкуренция, знаете ли.

– Тоже метили в «золотые стержни»? – съехидничала она.

– Избави бог, я про актёрскую братию. Хороших площадок мало, смазливых парней много, а Ронни не терпел рядом с собой молодёжь.

Эмилия сделала глоток, а парень продолжил:

– Но вы, Эмилия? На его обычных клиенток вы не похожи.

– Просто знакомая женщина, как и прочие, не усложняйте, юноша. Расскажите лучше, что говорят об этой истории? Кто мог учинить такое?

– Ах, вот в чём дело, госпожа решила провести расследование. – Светлые глаза зажглись интересом.

– Не преувеличивайте, простое любопытство. Но я готова заплатить за удовлетворение.

– Только любопытства?

– Только его. – В пальцах Эмилии мелькнула крупная купюра.

– Думаете, откажусь? – Сирилл насмешливо поднял бровь, прекрасно зная, насколько обольстительно выглядит.

– Почему бы, услуга должна быть оплачена. Я вся внимание.

Сирилл протянул длинную руку через стол, взял деньги, не коснувшись её пальцев, посмотрел купюру на свет, не спеша убрал в карман и только после

этого заговорил.

«Вот ведь маленький позёр, весь в отца».

Эмилия возвращалась домой, задумчиво улыбаясь. По словам мальчишки выходило, что убить Ронни мог кто угодно – рогоносцы, ревнивые любовницы, молодые танцовщики, которым он нередко вставлял палки в колёса, и даже конкуренты из этого комичного списка «золотых стержней».

– Вы не представляете, с какой серьёзностью они меряются своими отроутками, – рассмеялся Сирилл.

– А вы? Вы не такой? Тоже ведь в некотором роде мужчина.

Проигнорировав издёвку, он пожал плечами:

– Пока эта штука нормально работает, нет нужды в писькомерках, – он выбрал более грубую версию этого слова и не извинился.

«Как всё-таки смешно вылезает уличный мальчишка, стоит юному джентльмену разозлиться».

– Искать подтверждения своей крутости приходится, когда начинаются сбои, – продолжил Сирилл. – У извращенцев типа Ронни это случается часто.

– Извращенцев? Насколько я помню, он не отличался...

– Только не говорите, что и вы тоже!..

– Господи, ну конечно, не скажу. – «Кажется, я повторяюсь».

Ещё Сирилл посоветовал поговорить с матерью, бывшей танцовщицей, которая знавала Ронни в юности, и даже нацарапал на салфетке её адрес (за дополнительную плату). И добавил название клуба, где танцевал по вечерам. Но

это как-нибудь в другой раз, а сегодня Эмилия решила встретиться с госпожой Жозефиной Гольд, почтенной матушкой этого красавца. Не хотелось признаваться в этом даже себе, но ей было интересно посмотреть на женщину Сирилла – того, первого.

И потому незадолго до заката она стучала в дверь хорошенького дома с жасминовой изгородью и от нечего делать рассматривала керамические горшки, стоящие у крыльца: колеус с яркими красными листьями и бледно-зелёная, почти белая аглаонема чередовались довольно мило, хотя Эмилия не очень любила пёстрые садики. От созерцания её отвлекла женщина, вышедшая из-за дома, – судя по одежде, она копалась в земле.

– Добрый вечер, пришли что-нибудь купить?

– Возможно. – ответила Эмилия. – Мне рекомендовали к вам обратиться...

– Приятно, что у меня хорошая репутация. Сразу пройдем в теплицу или вы хотите увидеть каталоги?

– Я бы предпочла сначала присесть...

– Ой, да! – Женщина всплеснула руками. – Заходите.

Жозефина оказалась довольно моложавой и лёгкой для столь взрослого сына – видимо, Сирилл когда-то солгал о том, что любит женщин постарше, судя по всему, этой и двадцати не было, когда он наградил её младенцем. С правильной энергетической подпиткой можно сохраняться надолго, но Жозефина выглядела на честные, просто очень хорошие сорок с небольшим.

В следующие полчаса Эмилия пила лимонад в компании хозяйки и рассматривала картинки, ища что-нибудь беленькое на веранду. Садовник наверняка разгневаётся, что она не посоветовалась и притащила в дом растения от непроверенного поставщика – они же могут быть заражены чем угодно, какой ужас! Но женщина выглядела опрятной, а дом ухоженным. В конце концов заказала несколько дорогих экземпляров, пропустила мимо ушей рекомендации по содержанию и перешла к делу:

– Страшно рада, что нашла вас, Жозефина! Знаете, таким, как я, начинающим, обычно рекомендуют просто выбрасывать цветы, как только они начинают увядать, и заводить новые. А я слишком привязываюсь к каждому кустику, поэтому стараюсь заботиться как следует. И вот сегодня познакомилась с вашим сыном, и он сказал, что вы мне всё объясните.

Эмилия сделала честное лицо, но Жозефина недоверчиво прищурилась:

– С которым из них?

– У вас их несколько? Счастливая женщина! С Сириллом.

– Двойняшки. Их вечно путают, хотя Бертран больше похож на меня, а Сирилл вылитый отец.

– Уверена, они оба красавцы.

– И где же вы познакомились?

– К сожалению, на похоронах. Умер известный танцовщик, Ронни... – Эмилия сообразила, что не знает его фамилии, Малыш и Малыш, но женщине, похоже, было достаточно.

– Упокоился? Какая жалость, – без капли сожаления сказала она. – Ваш приятель?

– Я, к сожалению, не знакома с его творчеством, – чопорно ответила Эмилия, – но в некотором роде познакомилась с ним самим. Я нашла его тело.

В глазах Жозефины появился неподдельный интерес, она потребовала подробностей, и Эмилия охотно рассказала всё, что знала. Довольно смешно описала церемонию, сделав вид, что совсем-совсем ничего не поняла о присутствовавших дамах и характере их отношений с покойным. Хозяйка её насмешливо просветила и достала из шкафа графин.

– Давайте по глоточку? – Разлила в маленькие стаканчики душистый вишнёвый ликёр. – Прибери, господи, его чёрную душу.

– Чёрную? Вы его хорошо знали?

– К счастью, не слишком, меня вовремя предупредили...

Дальше разговор потёк сам собой, и вот уже Эмилия рассматривает выцветшую афишу с яркой красавицей в пышной юбке: «Шоу Косолапой Жози, спешите видеть!» Эмилия не удержалась и украдкой бросила взгляд на ноги хозяйки, но та заметила и рассмеялась.

– Рекламный ход, после этого все только и делали, что пялились на мои ножки. На первый номер я выходила в гимназическом платье и специально ставила ступни мысками вместе, как смущённая девчонка. Ну, а концу представления невинность потихоньку утрачивалась...

– Хорошая идея, – со знанием дела одобрила Эмилия. «На неё-то Сирилл и попался. А то всё “постарше, поопытней”, свинюга». – И Ронни на тебя клюнул?

– Он на всех клевал, как голодный карась, но мой парень успел раньше и очень быстро устроил так, что я не смогла танцевать, на Брюхатую Жози народ вряд ли бы пошёл. А когда родила и вернулась на сцену, с Ронни уже всё стало ясно. Он тогда был отчаянно молод и хорош собой, девицы так и липли. Это нормально, в юности мы жили так, будто секс выдумало именно наше поколение и всё теперь позволено. В актёрской среде лёгкие нравы, а наслаждение казалось нам самой простой вещью на свете. Богатые покровители или просто «приватное обслуживание» тоже случались почти у всех, иначе не выжить. Но вот что странно, Ронни выбирал самых молоденьких и наивных девчонок, но они как-то слишком быстро начинали пить, баловаться запрещёнными травками, а потом шли по рукам и однажды замерзали. Слыхала такое словечко?

Эмилия кивнула, среди бродяг и прочих сомнительных элементов так называли внезапную смерть на улице. Однажды находили окоченевший труп с проломленной головой или колото-резаной раной, а потом обитатели плохих кварталов перебрасывались новостями: «Давненько не видно старухи Эвис, что с ней? – Замёрзла с месяц назад». Полицейские иной раз нагтели настолько, что указывали это в графе «Причина смерти» – кому охота расследовать гибель очередного никому не нужного отребья. Но путь от юной актрисы до мёртвой бродяжки редко бывает таким уж стремительным.

– Пошли слухи, наши девчонки стали его сторониться, а потом произошла та история со Смешной Сьюки...

Жозефина как раз ушла из шоу, беременность стало трудно скрывать, и на её место взяли восторженное шестнадцатилетнее создание. Девочка из хорошей семьи сбежала от родителей, чтобы стать великой артисткой, а деньги на учёбу в балетной школе зарабатывала танцами в клубах. Ронни заметил её и помог получить место Жози, а буквально через полгода Сьюки не стало. И даже это сошло бы ему с рук, но у девочки обнаружился брат-полицейский. Не намного старше неё самой, но очень любящий и дотошный. Узнав о смерти сестры, кинулся землю рыть и выкопал интересные вещи.

– Засранец Ронни, наигравшись, начал поить маленькую Сьюки до беспамятства и подкладывать богатым клиентам. Она думала, ей это снится, поверишь ли? Так сильно его любила, что даже мысли допустить не могла. А потом он угостил её «порошком объятий»...

Дальнейшие объяснения не понадобились, Эмилия как никто знала, что это. Одна из последних разработок её отца, в маленьких дозах повышает влечение, даёт приятную расслабленность и раскрепощение, в больших вызывает бурную страсть и феерические оргазмы. Правда, первые испытания на клубной молодёжи показали, что если принимать порошок слишком часто или помногу, могут случиться неприятности: скорое привыкание, разрушение печени и почек, некоторые сходят с ума и превращаются в похотливых обезьян, к счастью, ненадолго. Умирают от этого быстро, и женщины, как водится, раньше мужчин.

– Тот парень его почти достал, но у Ронни проснулось звериное чутьё, и он успел улизнуть на Запад. Говорят, подстраховался, отдался одной тамошней аристократке, бешено богатой, старой и цепкой, и несколько лет отсиживался у неё под юбками. Брат Смешной Сьюки уволился из полиции и рванул за ним, но не смог дотянуться. А потом и сам пропал, ходили слухи, то ли умер, то ли вдарился в религию и ушёл в монастырь. А Ронни покуролесил за границей, но лет через десять вернулся, всё ещё красивый и уже достаточно осторожный – никакой торговли девочками и дурью. Думаю, привёз кучу денег из своего турне и здесь работал больше для души. – Жозефина произнесла последнее слово с должной иронией, как бы намекая, что души у такой твари давно не осталось.

Вечером Эмилия улеглась в постель и к ней пришли все её кошки – полосатая Александрин, чёрная Мицуко, белолопая Фелисити, рыжий Васья и даже дымчатый Гамлет, которого она смогла лишь ощутить в сгустившихся сумерках. Поглаживая чью-то крепкую пушистую спинку, Эмилия перебирала события прошедшего дня. В воздухе пахло ночными цветами, а она думала, что нашла для себя ответ, почти наверняка Малыша Ронни прикончил братец той неудачливой маленькой потаскушки. Несказанно повезло с болтливой тёткой – конечно, не просто так она разговорилась, Эмилия позаботилась добавить «элексир правды» в её лимонад, это было несложно. Забавно, что зелье содержало компоненты того порошка, о котором шла речь вечером. Механизм действия похожий, но Эмилии пришлось серьёзно поработать над сырой идеей отца. Получилась почти совсем безвредная штука, разве только изношенное сердце может не выдержать, но тётка явно крепка, как лошадь. С утра вспомнит, что чудесно посплетничала с симпатичной клиенткой о бурной молодости и не более – имя гостьи и то вряд ли. Адрес, на который следовало доставить заказ, принадлежит садовнику, из него слова не вытянешь, заберёт горшки и захлопнет калитку перед носом. Впрочем, Эмилия не собиралась всерьёз замечать следы, всё, что хотела, она уже узнала. Её любопытство удовлетворено, а время покажет, если не ошиблась, убийств больше не будет. Наказанием виновного она не интересовалась, не её печаль.

Сейчас её занимала значительно более важная вещь, чем чьи-то утраченный яйца. Она вспоминала Сириллу. Настоящего, а не зелёную копию, разбавленную кровью кривоногой стриптизёрши.

После того как у Милли появилась цель, жизнь потекла быстро. Много тренировок, в том числе и боевых – у Мадины оказались неплохие навыки уличного бойца, она дралась без правил, на выживание, быстро и безжалостно калеча противника. Милли пару лет ходила в синяках, но ни о чём не жалела, достаточно было представить, что она оказывается лицом к лицу с убийцами отца – и всё, кровавый туман застилал рассудок. Мадина объясняла, что боевая ярость – это хорошо, когда ты здоровенный, но крошечного берсерка бараньего веса взрослый мужик раздавит. Поэтому мозг не отключать, наращивать скорость и отрабатывать технику – на её стороне только эффект неожиданности, будет всего несколько секунд, чтобы вырубить врага. Милли

хотела стать стремительной, юркой и смертоносной, как змея, но поначалу получался только визгливый комок гнева, беспорядочно машущий руками и ногами. День, когда впервые удалось задеть Мадину, она запомнила на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ketro_marta/iskala-ya-milogo-moego

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)